

Тао Эи

- ♡ -

♡
Магазин
неудавшегося
творчества

♡

Тао Эи

Магазин неудавшегося творчества

«Автор»

2026

Эи Т.

Магазин неудавшегося творчества / Т. Эи — «Автор», 2026

В Петрозаводске, в старом бирюзовом доме, открывается странный магазин. Творческие люди здесь — и продавцы, и покупатели. Они выставляют свои работы на полки или обменивают их на чужие. София оставляет в магазине песню, которую никто не захотел слушать. Артем, фотограф, обменивает на нее свой снимок — просто потому, что бумага с текстом пахнет табаком и ванилью. Так начинается их безмолвный диалог: строчки и снимки сменяют друг друга, связывая двух одиночек невидимой нитью.

© Эи Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Открытый микрофон	5
Глава вторая. Находка	10
Глава третья. Начало нитки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тао Эи

Магазин неудавшегося творчества

Глава первая. Открытый микрофон

Небольшое помещение репетиционной точки с маленькой сценой невозможно было назвать однозначно уютным или мрачным. Оно застыло на границе между реальностью и фантазией.

Краски реальности — сияющие, но серые — проступали на лицах зрителей и музыкантов: влажный блеск кожи, в котором смешались усталость после рабочего дня и предвкушение музыки. Краски фантазии разливались по залу, едва барабанные палочки касались золотистых тарелок, а чьи-то длинные пальцы перебирали струны. А когда синий или фиолетовый свет падал на мягкие диваны и подушки, по-домашнему разбросанные по полу, начиналась магия.

Время замедлялось. Души отрывались от тел и устремлялись в бескрайнее ночное небо. Украшения на стенах — постеры, композиции из цепей, цветов и других декоративных элементов — оживали, как лесная чаща, расширяя границы маленькой комнаты. И пока души танцевали в вышине, тела растворялись в этом новом мире, становясь его частью.

На сцене — группа «Малиновый чай».

Зеленые глаза вокалистки и басистки Юлии горели двумя магическими огнями. Блестки рассыпались по ее коротким кудрявым темным волосам, как звезды по ночному небу. В платье цвета спелой малины она пела о подростковой любви так, будто ей не двадцать пять, а пятнадцать. Остальные участники — гитарист и барабанщица — не терялись на ее фоне, а оставались равными частями маленькой истории о несбывшейся любви. Под глазами у всех музыкантов алели растушеванные алые тени. Юлия называла это границей между словами и тем, что говорит громче слов, — глазами.

Зрители без устали прыгали по комнате под динамичную музыку. Кто-то из них недалеко ушел от подросткового возраста; для других этот путь остался позади много лет назад. Но сейчас все они казались одинаковыми — вне времени и пространства, каждый проживал свое личное, негласно разделенное со всеми в этой комнате через песню.

— Я вас не слышу! — громко выкрикнула Юлия в микрофон, когда гитарист заиграл мелодию их кавера на популярную поп-рок-песню.

Хотя зрители сегодня с самого начала были активными, Юлии казалось мало.

— Пока все не поднимутся с диванов и подушек, следующей песни не будет! Так что вставайте!

Барабанщица поддержала Юлию бодрыми ударами в бочку. И лишь когда последний сидевший зритель поднялся, началась следующая песня.

— Обожаю голос Юлии, — выдохнул парень, подпрыгивая в такт.

— Да я только ради «Малинового чая» сюда и пришел, — отозвался его друг.

Когда песня отзвучала, Юлия опустила микрофон и улыбнулась залу — широко, по-настоящему, словно обнимая каждого разом.

— Спасибо всем! — произнесла она. — Разрешаю отдохнуть, но совсем недолго. Пока следующий музыкант готовится к выступлению, вы можете насладиться малиновым чаем в баре!

Зал зашумел, задвигался, но не растекся — он все еще держал в себе тепло только что отзвучавшей музыки. Кто-то потянулся к бару, кто-то опустился на диваны, переводя дыхание. Расслабление, радость, ощущение свободы висели в воздухе плотнее сиреневого света.

Когда Юлия спустилась со сцены, зрители уже пили чай у бара, а перед ней стояла лишь кареглазая девушка, которую с легкостью можно было спутать с призраком. Казалось, это эфемерное создание в готическом, но белом, с рюшами платье вот-вот исчезнет. Белые локоны стекали по хрупким плечам, напоминая водопад. В руках девушка сжимала электрогитару, украшенную синими бабочками.

Следующей выступать должна была именно она — Вуд. Или Призрачная София. Второе имя ей дали зрители, но вовсе не потому, что она походила на загадочную красавицу из подросткового сериала. Нет. Совсем по другой причине.

— Соня, ты пришла, — улыбнулась Юлия, погладив плечо подруги. — Как тебе наше сегодняшнее выступление?

— Вы, как всегда, были на высоте, — Соня поставила гитару на пол, прислонив ее к сцене, и обняла Юлию.

— И ты будешь, — уверенно, хотя и устало, выдохнула та ей в шею.

Соня сжала пальцами ткань платья на спине подруги и поджала губы. Спорить с Юлией было бессмысленно. Оставалось только молчать.

— Может, Соню заметят, когда она перестанет вести себя как призрак? — произнес Кирилл, гитарист «Малинового чая».

Его словам сопутствовал шипящий звук открывающейся железной банки. Гитарист рухнул на подушку, лежащую на полу.

— Жаль, что банка с пивом открылась позже, чем ты начал говорить, — Мария, барабанщица, смерила друга презрительным взглядом.

— Когда Соня начнет петь, все вернется, — Юлия с надеждой посмотрела на открытую дверь, ведущую в коридор.

С ее места была видна и другая дверь — та, что вела в бар. К сожалению, сейчас она была закрыта. Из-за нее доносились приглушенные голоса, но все эти люди, так или иначе, находились не здесь.

— А кто эта девушка? — зашептались за спиной Юлии.

— Не знаю. Ее еще не представили.

Соня слышала. Конечно, слышала. Но сделала вид, что целиком погружена в настройку гитары, — провела пальцем по струнам, проверяя строй, хотя он был идеален. Волнение, стеснение, страх клубились под рюшами белого платья, и она молилась, чтобы никто не заметил, как дрожат ее руки.

— Итак, представляю вам загадочную Вуд! — объявила в микрофон ведущая открытого микрофона. — Прошу, поддержите ее: солистам всегда тяжелее выступать.

В ответ раздались почти неслышные аплодисменты.

Густо-синий свет залил маленькую комнату — тяжелый, как гуашь, которой пишут ночное море. Страстный подростковый мир утонул в воде грядущих лет. Холодный блеск цепей на тонкой, трогательной шее Софии казался непосильно тяжелым для взгляда. Бабочки на гитаре, будто закованные в лед, не жили, но и не были мертвы. И пока педаль хоруса превращала гитарные переборы в волны штормового океана, пока длительность звучания казалась неизмеримой и чудилось, будто за гитарой прячется нечто потустороннее, неумело копирующее ее звуки, — кое-что ценное на этом контрасте застыло навсегда.

Голос Софии был частью этой мрачной картины. Высокий и нежный, он казался настолько чужим реальному миру, что походил на подражание настоящему женскому голосу, исходящее от какой-то демонической сущности.

— Неужели это та самая Призрачная София? — тихо спросил один зритель у другого.

— Я слышал, ее обычно поддерживают только участники «Малинового чая», — ответил тот.

— Они такие добрые. Своим присутствием утешают тех, кому чувство музыки не дано, — добавил третий.

Мария резко обернулась в сторону троицы.

— Мы еще и злыми бываем, — отчеканила она. — Осуждающе смотрим на тех, кому чувство такта не дано. Мы вообще-то прямо перед вами сидим. Очевидно, слышим каждое ваше слово.

Трое друзей опешили, ничего не ответили и опустили глаза.

— Тихо, Маш, — Юлия мягко взяла подругу за подбородок и повернула ее лицо к сцене. — Ты все равно ничего им не докажешь, — добавила она почти шепотом.

Как бы заворуженно Юлия ни слушала пение подруги, дверь в бар по-прежнему оставалась закрытой. А те немногие, кто еще оставался в зале, начали расходиться, не пожелав дослушать даже первую песню загадочной Вуд до конца.

Песня завершилась. В полумраке комнаты остались лишь участники «Малинового чая».

— Я не буду смотреть на следующую группу, — Юлия поднялась с подушки и взглянула на Марию и Кирилла.

— А я останусь. У «Dreams of Seoul» тяжелая музыка. Люблю такое, — ответил Кирилл.

— Останусь, чтобы Кирилл не убился, когда будет прыгать на других людей, — устало пояснила Мария.

— Как мать, ей-богу, — фыркнул Кирилл.

— Ладно. Тогда... я домой, — Юлия обняла друзей на прощание.

Соня уже ушла со сцены, и ее место заняла другая группа. В зал, слегка пошатываясь, начали возвращаться люди из бара. София растворилась в толпе. Юлия с трудом нашла ее на одной из подушек и молча протянула руку. С легкой, печальной улыбкой она кивнула в сторону выхода.

София и не хотела здесь оставаться. Ее глаза заблестели — то ли от наступающих слез, то ли просто от смены освещения. Она без раздумий приняла руку подруги.

— Ты устала, Сонь. Пойдем домой, — сказала Юлия.

— Тебе не нравятся «Dreams of Seoul»?

— Не нравятся, — солгала Юлия, даже не пытаясь скрыть фальшь в голосе.

Они двинулись к выходу. И в этом маленьком движении — в принятой руке, в невинной лжи, в скромных аплодисментах в начале — уместилась вся горечь одиночества, которую не выразить никаким, даже самым нежным голосом.

— Сонь, ты в порядке? — спросила Юлия.

— Все в норме, Юль. Ты же знаешь, мне не привыкать, — натянуто улыбнулась та.

— В следующий раз я за шкирку притащу этих пьянчуг на твое выступление, — Юлия решительно сжала кулак.

София лишь тихо рассмеялась в ответ.

Они шли по пустым улицам Петрозаводска. Город казался не таким уж маленьким, но в поздний час даже на центральных улицах было пустынно. Только ветер. Всегда ветер. Он вечно гулял здесь: то освежал, то пробирал до мурашек. Вывески некоторых магазинов еще мерцали в полутьме позднего летнего вечера, но свет в окнах не горел — все заведения давно закрылись.

Дома были разными. Те, что постарше, нравились Софии и Юлии гораздо больше новостроек — за архитектуру. В изящных элементах старых зданий, в узорах, вырезанных на камне, жили красота и вдохновение. Но некоторые старые дома пугали девушек: темный цвет, деревянные окна, запах сырости и стены с облупившейся краской внутри. Любая фантазия в два счета выстраивала в них ужасные сюжеты.

Однако был среди них и другой деревянный дом. Он отличался и от страшных двухэтажек, и от шедевров архитектурного искусства, и от современных высоток. Одноэтажный,

бирюзовый, с белыми деревянными окнами. Он стоял прямо у тротуара, посреди современности, и выглядел так, будто лишь в его пределах время прекратило свой ход. Долгое время дом пустовал, но теперь над дверью висела скромная вывеска «Неудавшееся творчество», а в окнах горел теплый свет.

— Хм, раньше здесь ничего не было, — София остановилась перед деревянным зданием.

— Это... заведение еще не закрылось, — Юлия вынула телефон из кармана и нажала на кнопку блокировки. — Десять часов вечера, вообще-то.

— Давай посмотрим, что там.

— Может, лучше домой, а? — в голосе Юлии слышалась не только усталость, но и страх перед неизвестностью.

Но София уже открыла дверь.

— Что ж, ладно, — смирилась Юлия и вошла следом.

За кассой сидела женщина в пыльно-фиолетовой рубашке и листала плохо сверстанную книгу. Светло-русые волосы были заколоты в пучок китайской шпилькой с полумесяцем на конце.

— Здравствуйте, — первой произнесла София.

Как только взгляд серых, загадочных глаз женщины коснулся девушек, обе разом выдохнули. Они еще не знали почему, но их тела определенно почувствовали: бояться нечего.

— Здравствуйте, — ответила женщина. — Меня зовут Дарья. Если понадобится моя...

— О нет, — Юлия схватила Софию за плечи, — мы только посмотреть зашли.

Дарья ласково улыбнулась в ответ.

— Что ж, тогда смотрите. Не буду вам мешать.

Свет внутри, хоть и исходил от электрических ламп, грел, словно пламя камина. Стеллажи из светлого дерева занимали книги и скетчбуки. Стенды молочного цвета были обрамлены узорчатым деревом с вкраплениями темного, похожего на бесснежную зимнюю ночь, шунгита. В прозрачных карманах на стендах хранились фотографии, листы со стихами, рисунки. В плетеных корзинах лежали фигурки и игрушки ручной работы. Картины в рамках стояли прямо на полу, как в художественной студии. А рядом с кассой, на тумбе, выстроились шестигранные керамические шкатулки: в одних лежали флешки с бирками, в других — украшения ручной работы: браслеты из шунгита, лунного камня, розового кварца, амулеты из дерева, бусин и рун.

Но особенную магию этому месту придавали успокаивающий лавандовый аромат свечей и уголок для чаепития, устроенный за кассой. Круглый стол, накрытый скатертью с вышивкой в виде веточек рябины. Четыре стула с мягкими красными сиденьями. Керамические заварник, чашки и блюдца, объединенные одним и тем же узором: пылающая кошка и человек из хвойной кроны с рогами и желтыми глазами.

Магазин? Чайная? Что же это за место?

— Здесь все такое интересное, — восхищенно прошептала София, разглядывая фотографии на стенде.

— Да, но, — Юлия понизила голос, — тебе не кажется подозрительным, что на товарах нет ценников? И... магазин ли это вообще? Тем более время...

— Да ладно тебе. Мне показалось, когда та женщина на нас посмотрела, ты расслабилась.

— Только на мгновение. Пойдем отсюда.

— Хорошо. Но сначала я кое-что спрошу.

Юлия прижала ладонь к лицу.

— А как иначе...

София уверенно подошла к кассе.

— Скажите, а почему на работах не указаны авторы? — спросила она. — И почему нет ценников?

Юлия напряглась всем телом и замерла, но сердце ее пустилось вскачь, пытаясь убежать отдельно от хозяйки.

— Я ожидала посетителей только завтра утром. Но раз уж вы пришли, позвольте объяснить, — начала Дарья. — Этот магазин не зря называется «Неудавшееся творчество». Творческие люди выступают здесь и продавцами, и покупателями. Продавцы выставляют свои творения, от которых по разным причинам решили избавиться. Покупатели могут приобрести любое из них, но за особенную цену: они должны заменить выбранный товар на полке своим собственным ненужным творением. — Она сделала паузу. — Вам это интересно?

— Пожалуй, нет, — резко бросила Юлия. — Это бред какой-то.

Она схватила Софию за руку, но та воспротивилась.

— Нет. Я хочу... Как продавец, я хочу поместить на витрину свое ненужное творение, — София вдруг ясно вспомнила залитую синим пустоту комнаты, одиночество, безжалостно пожирающее сердце.

Она вынула из рюкзака лист со словами и аккордами той песни, которая сегодня никому не понравилась, и протянула Дарье.

— Нет! Подумай! — Юлия вцепилась в руку подруги. — Это же твоя драгоценность!

— Драгоценность, которая уничтожила меня как личность, — безэмоционально произнесла София, опустив голову.

Юлия посмотрела на подругу с печальным пониманием и медленно отпустила ее руку.

Дарья приняла песню Софии и на ее глазах поместила лист в один из карманов стенда.

— Спасибо вам, — сказала она и открыла один из шкафчиков за кассой. — Подпишите, пожалуйста, «Согласие продавца на передачу творения и прав на его использование покупателю» и примите бонус для продавцов и покупателей «Неудавшегося творчества».

Из шкафчика Дарья извлекла лист бумаги и крохотную картонную коробочку бледно-розового цвета, перевязанную фиолетовой лентой, — сантиметров пять в ширину, столько же в длину и всего два-три в высоту. Она положила все на тумбу перед Софией. Та внимательно прочитала документ и, осознавая, что передает исключительные права на использование песни будущему покупателю, заполнила свои данные, подписала и вернула лист Дарье.

— Вам спасибо, — освободившись от песни и приняв бонус, София впервые за этот холодный вечер ощутила тепло — необъяснимое, исцеляющее.

— Может, вы с подругой желаете выпить по чашечке чая? — предложила Дарья.

— О нет, это уже слишком подозрительно, — Юлия взяла Софию под руку и решительно потянула к выходу.

— Приходите еще. Всего доброго.

София лишь улыбнулась в ответ.

— Не придем. Всего доброго, — не оборачиваясь, бросила Юлия и, махнув рукой, вывела подругу из магазина.

Глава вторая. Находка

Ранним летним утром рассеянное солнце грело лениво. И хотя люди спешили по своим делам, Артем замечал почти каждого из них. Сжимая в руке стаканчик с ароматным латте и кокосовым сиропом, он по пути на работу наблюдал за тем, как ползут по тротуарам тени домов, как меняется цвет каменных зданий вместе с нарастающим светом.

Легкий ветер выхватывал из локонов женщин и воротников мужчин разные ароматы и доносил до чувствительных ноздрей Артема. Так пахло его утро: кофе, духами и чем-то, что случайным образом дарила сама улица. Последним мог оказаться дождь или запах горячей еды. То, что Артем предпочитал проводить большую часть времени в одиночестве, значило лишь одно: он умел читать людей. Наблюдательность всегда была его важной чертой.

Мрачная часть облика Артема заканчивалась там же, где и длина волос, — на подбородке. Черные пряди, вырезанные из обсидиана, и темно-голубые глаза — кусочки льда. Но дальше... Однотонная белая футболка и бежевые штаны на ремне того же цвета. Вопреки природной внешности, он любил одеваться в светлое.

«Темноты у меня хватает и в голове. А тело пусть светится», — отвечал Артем на распросы знакомых о том, почему не одевается, как опасный парень из дорам.

Он не слишком торопился на работу, но и опаздывать не собирался. Однако планы изменились, едва Артем заметил перемену в привычном пейзаже. Раньше бирюзовый дом был для него источником фантазий — какую необычную фотосессию можно было бы устроить рядом с ним или даже внутри. Но теперь места для выдумки не осталось. Все определено. Теперь это — «Неудавшееся творчество».

Артем взглянул на экран телефона и увидел сообщение от владелицы фотосалона, в котором работал: «Артем, еще раз ты опоздаешь и...» Он даже не стал дочитывать.

Любопытство взяло свое. Ручка двери таинственного дома повернулась.

Внутри бирюзового дома Артем почувствовал себя так, будто оказался в центре клубка, чьи нити вели к разным мирам. Здание было наполнено чужим творчеством — все не связанное и связанное одновременно. Он не знал, с чего начать. Слишком много образов. Ароматов. Историй. Сердце тянуло остаться в «Неудавшемся творчестве» на весь день, но гудение телефона, вызванное градом сообщений от начальницы, возвращало его в реальность.

— Здравствуйте, — еле слышно поздоровался Артем.

— Добро пожаловать в «Неудавшееся творчество». Меня зовут Дарья, — представилась женщина.

— Артем.

— Приятно познакомиться. Вы продавец или покупатель? — спросила она.

— Ничего не понял, — пожал плечами Артем.

«А ты тогда кто, женщина?» — подумал он про себя.

— Тогда посмотрите. Может, что-то и понравится.

Эта женщина не была похожа на продавца. В ней не читались усталость от общения с людьми и страх за кассу. Со своим неидеальным пучком она напоминала доброжелательную хозяйку уютного дома.

Артем кивнул и медленно двинулся между стеллажами.

Внимание его привлек стенд с фотографиями и листами с текстом. Но один лист — розоватый, как закатное облако, с рукописным текстом — понравился ему больше всего. Не то чтобы Артема сильно зацепила сама песня. Скорее — физические ощущения. Бумагу было приятно трогать: ее нежность почти достигала мягкости влажных цветочных лепестков. И от нее исходил особенный, ни на что не похожий аромат.

Больше всего на свете Артем ненавидел ваниль. Его тошнило от ее приторности. От этого листа он учуял ее снова. Но... другую? Не липкую — бархатистую. Не желтую — коньячную. Не десерт — дорогой табак с еле уловимой каплей ванили и нотой благородного дерева.

Мир этого клочка бумаги лично для Артема выделялся среди всех прочих в «Неудавшемся творчестве». Он обязан был заполнить его. Обязан.

Подойдя к кассе, Артем уверенно положил лист с песней на стойку прямо перед Дарьей.

— Сколько это стоит?

Та загадочно улыбнулась.

— Вы же даже не прочитали текст песни.

«Откуда она знает?» — Артем хоть и напрягся слегка, но отчасти осознавал: не он один умеет читать людей.

— А вам не все равно?

— Хм. Быть может, вы и правы. Но, как вы могли заметить, на товарах нет ценников. В этом магазине свои правила...

Когда Дарья рассказала Артему условия приобретения товара в «Неудавшемся творчестве», тот сначала не мог поверить, что все происходящее — не сон.

— Мне нужно отдать что-то взамен? — переспросил он.

— Если у вас есть ненужное творение.

Артем покопался в рюкзаке — там, среди старых чеков, с апреля валялась фотография, которую он когда-то распечатал, да так и не достал. Он вынул ее.

Это были крупные камни в воде Онежского озера на фоне растворяющегося на горизонте заката. Хотя небо горело, как костер, апрельский холод сжимал все внутри без всякой пощады. Артем гулял по набережной, и его привлекла необычная текстура льда. Где-то уже началось движение воды, в других местах кусочки хрупкого льда напоминали осколки стекла, а кое-где лежал снег, похожий на облака, упавшие на землю и застрявшие в суровой ледяной корке. Разность слоев напомнила Артему человеческие глаза — какого бы цвета они ни были, они всегда оставались многослойными. Поэтому он и запечатлел этот момент: когда природа нарисовала портрет души.

— Отлично. Ваша фотография займет место листа с песней на стенде, — Дарья приняла снимок. — Для всех продавцов и покупателей у меня есть специальные бонусы.

Вынув из шкафчика маленькую подарочную коробочку, Дарья передала ее Артему вместе с двумя документами о передаче прав на использование творений. Тот, что касался песни, предназначался Артему как покупателю, а второй, на фотографию, он должен был оставить в магазине.

— Спасибо, — Артем, особо не вчитываясь, быстро заполнил свои данные и подписал бумаги.

— Вам спасибо. Если хотите, могу угостить вас чаем.

— К сожалению, я тороплюсь на работу. Может, в следующий раз, — вежливо солгал он.

«Я уже получил, что хотел. В этом магазине больше нет ничего интересного для меня», — определил он про себя.

— До свидания, — попрощался Артем, выходя за дверь.

Фотосалон, в котором работал Артем, был совсем небольшим. Он напоминал уютную гостиную: бежевые обои, ковер времен СССР с геометрическим узором, накрывший темный ламинат, полки с сувенирами — фигурками, шкатулками, посудой. На центральной стене висели образцы работ салона: свадебные фотографии, строгие портреты, коллажи из семейных снимков. На одной из тумб стоял настольный стенд с перечнем и стоимостью услуг: фото на

документы, печать фото, фотокниги под заказ, печать на различной продукции — например, на кружках и тарелках. Рядом располагалась касса с компьютером и двумя мониторами: один повернут к кассиру, второй — к клиенту.

— Подумать только, наш Артем снова опоздал. И почему я не удивлена?! — Арина, владелица фотосалона, рассерженная, стояла у кассы.

— Извини. Что-то не то съел вчера, и... — с каменным лицом начал было Артем.

— И? Проверь уже свой желудок или кишечник... или... Короче, — Арина с громким хлопком положила на тумбу какой-то конверт, — отдашь эти фотографии клиенту, а мне надо покурить.

Артем взял конверт и вытащил лист со снимками.

— Отвратительно, — тихо произнес он.

— Ну извините! — уже с сигаретой во рту проворчала Арина. — Кое-кто опоздал, и фотографировать пришлось мне!

Стоило владелице фотосалона уйти на перекур, как клиент тут же явился за своими фотографиями. Артем отдал их, принял оплату и увидел Арину, возвращающуюся уже более спокойной.

— Привет, — поздоровался Саша.

— Опять ты, — вздохнула Арина. — Что на этот раз вы удумали?

— Фотосессию, очевидно, — ответил Артем.

— У нас здесь не фотостудия, Артем! Сколько тебе еще раз повторять? — Арина снова начала закипать.

Саша подошел ближе и, нежно обхватив ее подбородок пальцами, слегка приподнял его, заставляя посмотреть ему прямо в глаза. Пару секунд он молчал с легкой загадочной улыбкой, а затем произнес:

— Если позволишь нам провести фотосессию и фотографии в итоге тебе понравятся, в перечне услуг, — Саша указал взглядом на стенд, — появится кое-что новенькое и принесет прибыль.

— Ладно, — Арина нахмурила брови, но даже Артем заметил, как она расслабилась сразу после прикосновения Саши. — Я постою за кассой.

Саша выглядел уверенным в себе, а оттого и красивым. Расстегнутая пуговица на рубашке молочного цвета. Слегка завитые короткие белые волосы. Ярко-голубые глаза. Утонченные черты лица. Ангел во плоти.

Несмотря на отсутствие студийных условий, Артем вознамерился воплотить свою задумку качественно. Он вручил Саше ненастоящий, но довольно массивный ключ и велел встать у полки со шкатулками. К счастью, свет из окна лился прямо на выбранное место, и о возможных проблемах с тенями можно было не думать. Артем подсказывал Саше, какую принять позу, а тот, в свою очередь, добавлял в эту позу что-то свое — их совместная работа шла стабильно.

В том, как тонкие пальцы Саши держали ключ — не сжимая, расслабленно, но уверенно, — в том, как ключ едва касался его нижней губы, сквозила игривость. Шкатулки же выглядели серьезно, как уменьшенные копии старинных сундуков с сокровищами. В этом и заключалась задумка Артема: герой, владеющий уникальным ключом, может открыть любую шкатулку — да хоть все разом, — он в предвкушении сокровищ, но не осознает возможных последствий. Что, если в одной из шкатулок скрывается его погибель?

Фотографируя Сашу, Артем поинтересовался:

— Что это такое было?

— Ты о чем?

— Раньше Арину пришлось бы очень долго уговаривать...

— Честно говоря, я сам не совсем понимаю, Артем, — тихо ответил Саша. — Просто читал много манхвы. Я заметил: как только девушку переполняют эмоции, такой тактильный жест парня ее успокаивает. Тело расслабляется, а значит, на некоторые решения легче повлиять.

— Разве это... правильно?

Саша пожал плечами:

— Вероятно, неправильно. Поэтому пользоваться этой хитростью надо аккуратно и не слишком часто.

Квартира-студия, которую снимал Артем, казалась продолжением его глаз. Темно-синие блэкаут-шторы. Серо-голубые обои. Темный ламинат. Незаправленная кровать с однотонным бельем: белые простыня и наволочки, пододеяльник под цвет штор. Самая обычная кухня с серым гарнитуром, на которой Артем чаще что-то разогревал из готовой еды, чем готовил с нуля. Даже ел он за компьютерным столом. Больше всего он любил именно этот уютный уголок: темный стол с выдвижными шкафчиками, бесшумный прозрачный системный блок с подсветкой, большой монитор с загнутыми краями и доска с фотографиями на стене над ним.

Упав на кровать после тяжелого рабочего дня, Артем готов был заснуть, но светлый летний вечер будто противился этому.

«Ладно. Тогда посмотрим, что там за текст на листе, ради которого я отдал красивую фотку», — подумал он и вынул из рюкзака приятно пахнущую бумагу. Еще раз вдохнув аромат, он прочитал текст песни.

Непослушное отражение

*Умылась я холодной водой,
В зеркале ища отражение свое.
«Что-то медленно двигаешься ты.
И не улыбаешься, а взглядом сверлишь».
Это больше не я.
Это кто-то другой.
По ту сторону.
Точит острый зуб.*

*«Выберусь из стеклянных оков.
Не увидят глазки твои облаков.
Захвачу сердце твое в тиски.
Пальцем прострелю твои виски».*

*Мне надо бежать. Себя от смерти спасти.
Остановилась вдруг...*

*Приложила висок к стеклянной стене.
Прошептала: «Я и есть сердце.
Я, как и прежде, управляю тобой.
Улыбнись, существо, вместе со мной».*

Слова откликнулись в Артеме — хотя и не так сильно, как аромат. Он сел за компьютер и начал искать песню и ее автора: вставлял весь текст в поисковую строку браузера, вставлял каждую строчку по отдельности, но, хоть и потратил целый час, не нашел никакой информации. Ни аудио, ни видео, ни даже текстовых файлов, связанных с этой песней, не существовало в Сети. Артему пришлось смириться с неудовлетворенным любопытством, хотя именно это чувство он ненавидел даже сильнее, чем приторность ванили.

Перед сном он распаковал коробочку, подаренную владелицей «Неудавшегося творчества». Внутри оказалась круглая плоская свеча. Артем зажег ее.

«Повезло. Лаванда мне тоже нравится», — подумал он.

Уже в кровати он позволил себе пофантазировать о том, как могла бы звучать песня, от которой у него остались только текст и аккорды. Последние, впрочем, не имели особого значения: Артем не умел играть на музыкальных инструментах.

Так, в смешении фантазий с успокаивающим ароматом, сон постепенно и пришел к нему.

Глава третья. Начало нитки

Поздним вечером София возвращалась с работы. Как бы ни любила она атмосферу и продукцию книжного магазина, в котором работала, к концу дня усталость наваливалась неумолимо, а ведь нужно было еще успевать заниматься музыкой. И все равно она пожертвовала временем на отдых, чтобы снова посетить «Неудавшееся творчество».

— Здравствуйте, — София улыбнулась Дарье.

— Добрый вечер. Не желаете чаю? — тут же предложила та.

— А знаете... — задумалась София, — желаю.

Дарья заметила ее усталый вид, но не стала указывать на него — просто пригласила к столу.

— Я не представилась, — сказала София, усаживаясь. — Меня зовут Соня.

— Красивое имя, — отметила Дарья, включая чайник. — Я уж подумала, вы побоитесь представляться незнакомой женщине из магазина, в котором у товаров нет ценников.

— Ну, подруга бы уже отчитала меня за это.

На мягком стуле, за столом с чистой скатертью тело Софии наконец расслабилось. Она ощутила уют и покой — то, что обычно было присуще только родному дому. Едва видимый пар поднялся из фарфоровых чашек, когда Дарья залила лавандовую заварку горячей водой. София обхватила свою чашку обеими ладонями и сделала глоток. Приятный вкус, тепло, разливающееся где-то в груди, — и она окончательно отрезала от себя внешний мир на время своего отдыха. И, как по заказу, в окна застучал легкий дождь. Теперь ничто не имело значения. Люди, касса, товар — все осталось за бортом корабля по имени София.

— Ароматическая свеча чудесна, — произнесла она. — В тот вечер, когда вы подарили ее мне, я зажгла ее и мгновенно уснула, а утром чувствовала себя совершенно отдохнувшей.

— Рада, что вас успокоил этот аромат, — Дарья заправила за ухо прядь, выбившуюся из пучка.

— И чай отличный. Стоит ли мне теперь называть вас Леди Лаванда?

— Как пожелаете, — казалось, прозвище ничуть не смутило ее.

— А кстати, — София кивнула в сторону стенда, который из чайного уголка было не разглядеть, — как там моя песня?

— Не знаю, — ответила Дарья, беря свою чашку.

— Как это?

— А вот так. После того, как вы оставили песню в магазине, на следующее же утро ее купил молодой человек. Ваш ровесник. Хотя... может, и немного младше вас.

София чуть не подавилась чаем. Она слишком резко поставила чашку на стол.

— Что? Кому-то стала интересна эта ерунда? — она вот-вот рассмеялась бы, но Дарья продолжила:

— Понимаете ли, текст песни покупатель не читал. Ему понравился аромат, который исходил от бумаги. — Дарья выдержала короткую паузу. — Я так понимаю, это ваши духи.

— Это как-то... совсем странно, — опешила София. — Видимо, в мире больше извращенцев, чем романтиков.

— Смотря на чем заканчивается ваш мир.

София подошла к стенду — и правда, ее песни там больше не было. Потеря не расстроила ее. Напротив... Фотография, оставленная взамен песни, сразу завладела ее вниманием. Апрельский лед Онежского озера. Вдохновение нахлынуло внезапно. Софии нужна была эта фотография.

— Как вы можете видеть, согласно правилам магазина покупатель оставил свое ненужное творение взамен вашего, — напомнила Дарья.

— Вижу... Этот странный человек оставил фотографию. — София повернулась к ней.
— Леди Лаванда, я хочу забрать ее.

— Не боитесь заразиться извращенством, коснувшись ее? — улыбнулась та.

София нахмурилась.

— Да не считаю я его извращенцем. Просто странно... — она опустила взгляд. — Как можно отдать такую красоту, ценное воспоминание, только чтобы получить вкусно пахнущий кусок бумаги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.